
Памяти моей бабки Анны Кротовой

Говорила: что ж, чай поставим — Рви смородиновых листов. Говорила: был, сука, Сталин — Слава Богу, потом издох.

И я слушал, не чуя горя В том, что были они сродни — Этот летний закат и говор Про киношные трудодни.

Про колхозный амбар, про сани И предательски мягкий снег, Про соседей, что раз не сдали, С тем и в память ушли навек.

Я не знал, как припомню позже, Под каким разгляжу углом Жизнь, прошедшую бездорожье, Что на сердце рубцом легло.

Не вести нам корову надо б, А продать, да попутал чёрт, Говорила, о каждый надолб Спотыкаемся, дурачьё. Усмехалась. Тепло, подолгу Провожали глаза твои Апельсинного лета дольку За селом, на краю земли.

Словно бы я часовой твой калиф — Хочется долго стоять над рекою, Дребезг надрывный о нас-не-одних Бросив ржаветь на последнем приколе.

Помнишь, трамвайчик вовсю налегал Против течения к пляжному югу, И, от натуги дрожа, берега Перемещались в пространстве упругом.

Видишь, как руслом привычным течёт Время— вовеки, да только не присно. Словно из той поговорки ключом, Помнишь, закрыли Октябрьскую пристань.

Нас тоже делали свободными — Гарантий будущего ноль. Кому в эпохи переходные Хотелось участи иной!

^{*} ШВТС, ЦРС - Бийская Школа Восстановления Трудоспособности Слепых (1963-1996); с 1996 по 2002 г. — Бийский Центр Реабилитации Слепых; с 2002 г. — Бийский филиал ЦРС ВОС.

Свободу выносить и вынести — В душе, душою да вразрез. Был знак судьбы в замене вывески — С «ШВТС» на «ЦРС»*.

В тот год шунтировали Ельцина, И водка — мера всех вещей — Лилась привольно и невесело, Но обнадёживающе.

Пока бийчане, взяв по маленькой, Тоску глушили за тоской, Валяли мы не ваньку — валенки, Латали обувь в мастерской.

Потом со злобой нерастраченной — Про разворованный завод; Что те подонки — то есть зрячие — Теснят от выгодных работ;

Что нам грядущее отмерили Кустарным этим ремеслом... И вот мы, будто на конвейере, За водкой движемся гуськом.

Гудит окраина заречная, И мы в общаге втихаря Долбились в хлам о тьму предвечную, Себя и время потеряв. Полустанок — два окошка, посерёдке козырёк, Наметеленный кокошник скособоченно залёг.

На ветру фонарь незряче, от ненастья осовев, Сизой радужкой маячит разогнавшейся стране.

Электричка, мнится — птица, снегу — рой да рой кротом! «Посчастливилось родиться», — школа пояснит потом.

Знал ли, понял ли — не к спеху! — предвкушением горя, Что на похороны ехал в середине января

По ночной метельной рези? Вновь гудок, вагонный вздрог. «Мам, смотри, страшило лезет, нас поймает — и в сугроб!»

Чистый двор, крылечко, сени, в доме — пышущая печь — Никаких тебе смятений, горы валом с детских плеч.

Ненатоплено и тесно. И прабабки не узнать. Не запомнил, если честно, мамы материной мать...

Глянул: женщины, мужчины — всех подспудно перечёл, Ошалелый, но счастливый и без прошлого ещё.

Убрали ёлку — кот поплакал, Никто не верит в перемены. Сестра вот-вот умрёт от рака. Мне не осилить этой темы. Приснился лифт и тень лифтёра: Входи, входи, отходим на Хель, Оставь надежд чужим афёрам, Смахни смешных отмазок накипь.

Что дети, дескать, подрастают, Что не успел ещё, не создал, Что дай сугробы подрастают, И я не баба, чтобы с возу...

Январским утром — холод окон И этот мой кошмар минувший, И словно кто ударил током: Убрали ёлку и игрушки.

Как хорошо, что гол забил Капризов... Открыв окно, сметаю снег с карниза. Быть может, это Гусев гол забил — Да я забыл?

Вот так бы раз — и ничего не помнить! Сметённый снег летит на подоконник, А я машу, как флюгер, помелом. И поделом,

Что нет конца метельной круговерти: У вечности за пазухой нет смерти. Небесный стяг неясен и белёс... Всё, я замёрз.